

Сокращения

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.
ПМА – Полевые материалы автора, XXXX – год экспедиции.

УДК 281.93-3(471.24)

Мельников И. А.,
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра
Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого,
заместитель генерального директора по научной работе Новгородского
государственного объединенного музея-заповедника

**Старообрядчество низовой реки Мсты в XVIII – XXI веках: история и
локальная память**

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-167-184

Статья содержит исторические сведения о старообрядчестве низовой р. Мсты в XVIII – XX веках. Местные общины играли заметную роль в жизни старообрядчества Новгородской губернии. Особое внимание уделяется взаимосвязи конфессиональной динамики и особенностей хозяйственной жизни крестьян региона, а также событиям, которые были вызваны введением системы военных поселений в первой четверти XIX века. Заключительная часть статьи посвящена месту старообрядчества в локальной памяти современного населения региона, а также его отражению в семейных преданиях. В основу статьи легли архивные источники и материалы полевых опросов, проводившихся автором в 2010 – 2024 годах.

Ключевые слова: *Старообрядчество, Новгородская губерния, ямщики, локальная память, семейные предания.*

Melnikov I. A.,
*candidate of cultural studies, senior researcher at the Research Center of
Novgorod State University. Yaroslava Mudry, Deputy General Director for Scientific
Work, Novgorod State United Museum-Reserve*

**Old Believers of the lower reaches of the Msta River in the 18 – 21 centuries:
history and local memory**

The article contains historical information about the Old Believers of the lower reaches of the Msta River in the 18 – 20 centuries. Local communities played a significant role in the life of the Old Believers of the Novgorod province. Particular attention is paid to the relationship between religious dynamics and the

characteristics of the economic life of the peasants in the region, as well as events related to the introduction of a system of military settlements in the first quarter of the 19th century. The final part of the article is devoted to the place of the Old Belief in the local memory of the modern population of the region, as well as its reflection in family legends. The article is based on archival sources and materials from field researches conducted by the author in 2010 – 2024.

Keywords: *Old Belief, Novgorod province, coachmen, local memory, family legends.*

Низовья р. Мста занимают важное место в истории Новгородской земли благодаря богатому историческому прошлому, а также экономическим и социальным связям, выработавшимся в данном микрорегионе на протяжении столетий. В соответствии с современным административно-территориальным делением эта местность захватывает часть Новгородского района Новгородской области. Крестьяне этого региона являлись достаточно развитыми в хозяйственно-экономическом плане. Значительную часть их дохода составляли рыболовецкий промысел и ямская гоньба. Близость к Новгороду способствовала поддержанию тесных хозяйственных связей с городским населением, пересечению сельской крестьянской и городской культур. Одновременно с этим, на территории Приильменя уже с XVII века существовало множество старообрядческих общин, «старая вера» была важной частью жизни местного крестьянства.

Основной целью настоящего исследования являлось описание истории местного старообрядчества в динамике с начала XVIII века вплоть до первой половины XX века. Во второй части статьи мы попытались дать не только описание современного состояния старообрядчества данного региона, но и определить его место в локальной памяти населения. Важными задачами - было определение степени взаимовлияния хозяйственной жизни местных жителей и исповедовавшейся ими веры, а также выявление связей с общинами других регионов. Основными источниками послужили документы РГИА, РГАДА и ГАНУ, а также данные полевых опросов, производившихся автором в г. Великом Новгороде и Новгородском районе в 2010, 2013, 2016 и 2023 годах.

1. История старообрядческих поселений низовья р. Мсты в XVIII – XX веков

К XVII веку в низовьях р. Мсты окончательно оформилась система поселений, группировавшихся вокруг Бронницкого, Рышевского, Боженского и Наволокского погостов. Заметную роль играл Бронницкий Ям известный по письменным источникам с 1268 года, который располагался на пересечении водного и сухопутного путей [Секретарь, Филиппова, 1991:172]. Духовная культура данной местности тяготела к церквям, располагавшимся в этих погостах. Кроме того, здесь располагались вотчины Антониева и Юрьева монастырей, с которыми крестьяне также поддерживали тесную связь.

Вероятнее всего, старообрядчество здесь укрепились уже с конца XVII века благодаря влиянию располагавшегося относительно недалеко Крестецкого Яма и главных распространителей «раскола» - Феодосия Васильева и его ученика, наставника Дементия Иванова. Сам Феодосий, согласно его житию, происходил из новгородского дворянского рода Усовых (Урусовых), чья вотчина находилась в д. Морозовичи в нижнем течении р. Мсты [Федосеев, 1869: С. 73]. Несмотря на легендарное дворянское происхождение, упоминание связей семьи Феодосия с Морозовичами может иметь под собой реальные основания. В «Винограде российском» упоминаются выходцы из «Мстинских пределов», арестованные и казненные во время сыска патриарха Иоакима 1682 года. Так, был схвачен по доносу собственной жены и казнен «простец Иоанн, обетатель сыи окрест Мсты реки» [Денисов, 1906: 132].

Первые документальные данные, косвенно свидетельствующие о «церковной противности» среди местных жителей, относятся к первой по времени попытке масштабного учета «раскольников» в России. В 1721 году в Новгородский уезд для сбора штрафных денег за неисповедь и двойного оклада с «раскольников» был направлен поручик Иван Коптелов. В числе прочих крестьян штрафные деньги за уклонение от «христианских обязанстей» взимались и с «ямского охотника Бронницкого яму васильевской жены Анны Ивановы», проживавшей в Новгороде на Торговой стороне в приходе Ильи на Славне [РГИА. Ф.796. Оп.1.Д.260. Л. 24 об.]. Документы ревизии 1745 года также зафиксировали наличие двух записных «раскольников» в Бронницком погосте [РГАДА. Ф. 288. Оп.1. Д. 110. Л. 583 – 583 об.]. В последующем именно Бронницкий Ям становится одним из наиболее крупных центров старообрядчества Новгородского уезда. К XIX веку он был большим торговым и ямским селом, большинство населения которого занималось извозом, содержало постоянные дворы. Выгодным экономически было расположение села на берегу р. Мсты, по которой проходил торговый путь в Петербург а также содержался перевоз. В XIX веке здесь имелось две церкви – Екатерининская на «Городке» и Преображенская. При этом к 1816 году в Бронницком Яму имелись две моленные, принадлежавшие староверам федосеевского согласия. В одной из них собирались на молитву т. н. «титловцы», поклонявшиеся кресту с «пилатовой титлой», т. е. стоявшие на изначальных позициях Феодосия Васильева. Всего представителей старообрядчества в Бронницком яму, согласно рапортам священников, насчитывалось 334 души обоего пола [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л.121]. В это же время здесь имелось отдельное старообрядческое кладбище с моленной, официально действовавшей с 1812 года [РГИА. Ф.796. Д.512. Л.569]. Она принадлежала федосеевцам-«безтитловцам», которых возглавлял наставник, бронницкий ямщик Дементий Иванов, а попечителем значился богатый ямщик Егоров РГИА. Ф.796. Д.512. Л.121 об.]. Эта моленная, которую мы будем именовать кладбищенской, содержалась вдовой Авдотьей Клементьевой. В нее собирались крестьяне деревень Боженского погоста, а наставником, принимавшим на исповедь, был известный по всей губернии крестьянин Старорусского уезда Аксен Устинов, в

отсутствии которого его обязанности выполнял крестьянин соседней д. Мшашки Панфил Агеев [РГИА. Ф.796. Д. 512. Л.121].

К описываемому периоду Бронницкий Ям был духовным центром старообрядцев, проживавших в нижнем течении р. Мсты: небольшое количество открытых старообрядцев было зафиксировано в соседнем Рышевском погосте и д. Плашкино, значительное их число проживало в д. Прилуки (47 душ обоего пола). Духовенство отмечало, что они тяготели к бронницкой титловской моленной, содержащейся вдовою Авдотьей Клементьевой. Близ д. Глебово, в свою очередь, располагалось еще одно «раскольническое» кладбище. Значительное количество староверов в 1817 году фиксировалось в деревнях Боженского погоста, также располагавшихся на берегу Мсты. Наибольшее их число жило в с. Новоселицы (19 душ) и д. Болотники (10 душ), единицы проживали в дд. Костова, Белая Гора и Новое Село. В д. Мшажка, располагавшейся на тракте в 10 верстах от Новгорода, проживало 11 представителей староверия. Здесь же в 1817 году жил наставник бронницкой титловской моленной Панфил Агеев [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л.121].

Радикальные позиции федосеевского согласия предопределили общий религиозный настрой бронницких ямщиков – Аксен Устинов учил «неповиноваться церкви и служителям ея», представляя в качестве доказательства, что «Никон патриарх всю благочесть потребил», а также демонстрировал «черни» лицевые рукописи, написанные «к посрамлению» официальной церкви [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л.121]. Именно к нему многие бронницкие ямщики обращались с требованиями, он же был главным учителем благочестия: отмечалось, что он «принимает на дух, накладывает епитимии, отлучает на время от секта; молиться заставляет с четками первыми двумя перстами, перекрещивает и отпевает» [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л. 121 – 121 об.]. Как «титловцев», так и «безтитловцев» объединяло полное неприятие таинств государственной церкви. Все местные «наставники раскола и наставницы, содержатели и содержательницы все вдовицы и вдовы, холостые и девки» [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л.121 об.]. Состав основных «богатых» наставников и содержателей как титловской, так и кладбищенской моленной, наглядно демонстрирует тесные связи с единомышленниками Крестецкого уезда: среди попечителей значились крестецкий ямщик Иван Кондратьев и наставник из д. Пехово Крестецкого уезда Петр Григорьев [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л.121 об.].

Авторитет «старой веры» в начале XIX века был достаточно прочен, о чем свидетельствует эпизод, относящийся к 1817 году, о котором мы узнаем из прошения на высочайшее имя, поданного самими бронницкими ямщиками. В этом году в следственных целях была произведена эксгумация тела скоропостижно умершей от чахотки дочери бронницкого ямщика Стафеева, которая была похоронена на старообрядческом кладбище. Созванные ямщики-понятые, не дожидаясь вскрытия могилы, ушли по домам без разрешения, т. к. «обряд веры» не поощрял подобных действий. Чиновники, однако, через

двадцать дней произвели эксгумацию и «осматривали обнаженное тело», что было расценено, как осквернение кладбища. При этом ямского голову Никифора Анфимова, вероятно, как зачинщика недовольства, «не только сменили, под предлогом того, что он старообрядец, но даже вытребовав в Новгород, неповинно заключили в тюрьму...» [РГИА. Ф.1284. Оп. 195. Д. 8. Л. 1 – 2]. В ответ на подобные действия, ямщики подали прошение в Министерство Внутренних Дел, в котором и были описаны приведенные выше события. Право представлять свои интересы 26 подписантов делегировали упоминавшемуся нами ранее наставнику кладбищенской моленной Дементию Иванову: «напредь сего избран ты, от нашего общества за доброе поведение настоятелем, почему ныне полномочно верим, от своего имени писать прозбы и ко оным руки прикладывать и подавать верхнему начальству где следует» [РГИА. Ф.1284. Оп. 195. Д. 8. Л. 3 – 3 об.]. Очевидно, принадлежность к «старой вере» воспринималась просителями, как своего рода показатель добросовестности, что позволило ямщикам дополнительно указать в прошении: «в нашем яму по хорошему поведению навсегда избираются во всякую начальственную должность одни старообрядцы» [РГИА. Ф.1284. Оп. 195. Д. 8. Л. 3 об.]. Все эти факты свидетельствуют о существовавшей корпоративности ямщиков-старообрядцев, пользовавшихся определенным влиянием в селе и поддерживавших своих ставленников в их избрании на «начальственные» должности. Сам факт подобного рода избраний свидетельствует об авторитете местной общины, который распространялся и на соседние селения.

Серьезным ударом для приверженцев «старой веры» в описываемой местности стало введение в 1817 году военных поселений. Тема борьбы с конфессиональным инакомыслием со стороны поселенного начальства, как одна из причин бунта военных поселян 1831 года до сих пор в полной мере не получила глубокого научного осмысления. Уже в самом начале введение военных поселений встретило недовольство со стороны крестьян, которые руководствовались в том числе религиозными мотивами. Так, против военных поселений в 1816 – 1817 годов безуспешно выступали жители д. Эстьяны, располагавшейся по тракту сразу за Бронницким Ямом. Местным государственным крестьянам принадлежали лучшие земли Новгородской губернии, село славилось своей зажиточностью [Секретарь, Филиппова, 1991: С. 180]. Неудивительно, что в 1817 году значительное количество жителей деревни выступило против причисления в «почетное звание» военных поселян, наряду с другими крестьянами Холынской волости [Петров, 1871: 147].

К сожалению, документы, доносящие детали события, в настоящее время не выявлены. Частично подробности содержатся в документально-беллетристической повести священника и новгородского провинциального историка Н. Г. Богословского «Эстьянская шурма». Очевидно, он имел в своем распоряжении воспоминания непосредственных свидетелей события и некоторые из документов, проливающие свет на участие в волнениях старообрядцев. В 1816 году в д. Эстьяны официально числилось 35 душ «раскольников» обоего пола, бывших прихожанами Бронницкой

кладбищенской моленной [РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.800. Л. 121]. По свидетельству Богословского, предводители беспорядков, местные государственные крестьяне, были одновременно и «коноводами раскола». Один из них, эстьянский мужик Евдоким Михайлов, почитался как «глава всех раскольников, имел большое значение по своему богатству, уму и знанию устава», а также долгое время проживал в Москве при Преображенской федосеевской общине [Богословский, 1865: 288]. Особенное возмущение у старообрядцев вызывали слухи о том, что поселян заставляют брить бороду, носить военное платье, что противоречило уставам старой веры [Богословский, 1865: 289]. Богословский приводит оригинальный текст письма, полученного местными староверами от петербургских «благодетелей». Речь в нем шла о возможности рассмотрения прошений против перевода в поселяне в Сенате, и якобы успешный ход этого дела. При этом волости, перешедшие к тому времени в военное управление, именуется «бритьями» [Богословский, 1865: 301]. Несмотря ни на что, указ о зачислении в военные поселяне был прочитан в конце 1817 года, при этом крестьяне, вооружившись колющими и топорами, устроили вооруженные беспорядки, которые были жестоко подавлены властями [Граф Аракчеев, 1871: 241]. Переход соседних волостей в военное управление номинально сократил число местных «раскольников», однако в Бронницком Яму, который по-прежнему принадлежал Ведомству государственных имуществ, старообрядцы продолжали активную деятельность, несмотря на политику репрессий Николая I.

Делопроизводственные документы 1830 – 1850-х годов позволяют нам считать Бронницкий Ям не только духовным центром старообрядцев всей восточной части Новгородского уезда, но и важной точкой в коммуникации старообрядцев Крестецкого, Новгородского и Старорусского уездов. Во многом это стало возможным благодаря существованию здесь легальной моленной, открытой до запретительных указов 1826 – 1827 годов Старообрядчество в Бронницком Яму не утрачивало авторитета в глазах местных ямщиков. В 1834 году по донесению Бронницкого священника Добронравова было возбуждено делопроизводство о незаконном обучении старообрядцами детей «православных» членов прихода. В донесении утверждалось, что «в Бронницком яму некоторые из раскольников, набирая детей из домов православных христианской религии и своей раскольнической секты обучают их русской грамоты по старопечатным азбуке, часослову и псалтири и вероятно внушают им понятия о преимуществе своей секты пред православною религиєю» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. Д. 72. Л. 1]. Этот факт послужил основой для предписания министра внутренних дел Д. Н. Блудова, запрещавшего «раскольникам» обучать грамоте «православных» детей, ввиду того, что это может пагубно сказаться на их отношении к официальной церкви [РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. Д. 72. Л. 3]. Очевидно, что власти не могли адекватно оценивать реальную численность «раскольников», полагая, что «дети лиц православного исповедания» могли принадлежать многочисленным семьям тайных старообрядцев.

Не имея возможности закрыть дозволенную кладбищенскую моленную, власти стремились нанести удар по нелегальным, располагавшимся в домах. В 1841 году была закрыта моленная, принадлежавшая бронницким ямщикам Волковым. Формальным поводом стал тот факт, что каменный дом с моленной был отдан Волковым за долги в распоряжение новгородского купца Клементия Нефельева, а тот, в свою очередь, так же в счет погашения долга отдал дом валдайскому купцу Ивану Чухину. Получив новую собственность в 1836 году, Чухин тут же решил вступить в право владения в полной мере, но столкнулся с семьей ямщика Волкова, которая не думала покидать насиженное место. Желая ускорить процесс передачи дома, валдайский купец, помимо всего прочего, донес, что Волковы содержат в доме «раскольническую» моленную. По результатам дознания была установлена справедливость доноса, моленная уничтожена, иконы конфискованы и отданы в Бронницкое ямское правление [РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д.379. Л. 7 – 10 об.]. Из прошений о возврате дома семье Волкова, составленных местными ямщиками, следовало, что многострадальный дом – не что иное, как моленная, выстроенная «издавних лет в Бронницком яму на принадлежащей ямщикам Волковым земле вообще с ним Волковым», но сгорела в 1827 году. После пожара в том же самом году «и на том же самом месте построена бывшим ямщиком Иваном Волковым с помощью нашей в которой и продолжали мы богомоление» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 379. Л. 14]. Поэтому ямщики настаивали, что дом должен принадлежать по наследству Василию Волкову, т. к. был построен «с помощью старообрядческого общества» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 379. Л. 14 об.]. Особенно возмущало ямщиков, что чиновник Г. Касперович, осуществлявший исполнение предписания о закрытии моленной, «образа же из оной вынес в почтовую избу <...> которые и по сие время стоят в небрежности и не приличном для святых икон месте» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 379. Л. 14 об. – 15]. Прощение вряд ли привело к положительному исходу дела для ямщиков, т. к. моленная была перестроена после запретительных указов и подлежала уничтожению в соответствии с николаевскими законами.

Картину распространения старообрядчества в описываемом регионе, пусть и в искаженном виде, дополняют «Этнографические сведения о жителях Бронницкого Яма», составленные в 1847 году упоминавшимся священником Иоанном Добронравовым. Рассказу о быте «раскольников» он уделил особое место: в приходе ц. Спаса Преображения в то время по официальным данным их числилось 72 мужчины и 132 женщины (примерно 1/4 прихода) [Добронравов, 2000: 236]. Разумеется, подобные сведения не отражают полной картины распространения старообрядчества: сам же священник, заинтересованный в приуменьшении числа «раскольников» во вверенном ему приходе, замечал, что местным жителям всех возрастов свойственна «холодность к посещению храма Божия». С его слов, по воскресеньям и праздникам за литургией бывало от 3 до 10 ямщиков [Добронравов, 2000: 236], что было безусловно мало для крупного торгового села. То, что количество «раскольников» уменьшено священником в его описании как минимум почти в

два раза, видно из данных чиновника Ю. К. Арсеньева, который немногим позже (в 1853 году), отмечал в Бронницах уже 378 душ староверов обоего пола из 716 человек душ всего прихода, т. е. более половины (53%) [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 234 об.].

Благодаря заметкам чиновника мы можем судить об устройстве и благосостоянии общины в это время. Бронницкие старообрядцы продолжали собираться на молитву в главную кладбищенскую моленную, которая ни разу до этого не закрывалась. Она находилась «на судоходной реке Мсте и Московском шоссе, ведомства Государственных Имуществ, в 25 верстах от Новгорода <...> Моленная устроена в особой избе, на самом конце села, по дороге к Москве, позади жилых строений, на берегу притока реки Мсты, называемом в простонародии Глушице» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 216]. Несмотря на то, что моленная поддерживалась пожертвованиями от местных жителей, а также пособием от Московской Преображенской федосеевской общины, к этому времени она была уже бедна средствами [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 217]. Иконостас в ней состоял из ста икон, а библиотека насчитывала 25 книг, что было немало для сельской общины [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 242 об.].

По мнению Ю. К. Арсеньева, прихожане кладбищенской моленной подчинялись «старшинам» Преображенского богаделенного дома в Москве и ориентировались на него в вероучительных и уставных вопросах [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 216 об.]. При моленной постоянно проживала ямщицья вдова Марья Мулькова, а наставником служил уроженец Псковской губернии Степан Савельев, который приезжал в Бронницы из Борского скита, располагавшегося в Тесовской волости и в котором он был также за наставника [РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 512. Л. 426]¹. В отсутствие последнего его обязанности исполнял «безграмотный старик», бронницкий ямщик Варлам Савельев Копылов. Причетниками общины были «ямщицьи девки» Любовь Леонтьева, Степанида и Пелагея Аникеевы Князевы, Дарья Лаврентьева, Авдотья Тимофеева и Хавронья Петрова [РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 512. Л. 426; РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 216 – 216 об.]. Твердая ориентация на федосеевское безбрачие определила состав клироса, состоявший из незамужних «девок». Моления совершались по субботам, воскресеньям и большим праздникам «при многочисленном стечении сектаторов Бронницких и соседственных деревень уезда Крестецкого» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 217]. Более подробные сведения о богослужениях в бронницкой моленной передает священник Добронравов. Упоминая наставника Варлама Копылова, он писал, что тот «...отправляет службы: вечерню, утреню, часы, молебны, панихиды, исповедывает, отпевает умерших и вновь крестит или перекрещивает крещенных православным священником». В службе наставнику помогали «парни и девки», которые пели по дониконовским книгам «несколько в нос» [Добронравов, 2000: 236].

В отчете Ю. К. Арсеньева также дается характеристика основным деятелям общины. 65-летний наставник Копылов характеризовался им как

«безграмотный но хитрый мужик», считавший себя подчиненным «старшинам» Преображенского кладбища, который часто ездил в Москву. Он пользовался влиянием уже около тридцати лет и представлял образец федосеевца «старой закалки». Напротив, 45-летний ямщик и попечитель общины Фаддей Антропов характеризовался как «человек достаточный, но слабого характера». Наконец, особенно много усилий к сохранению «старой веры» в Бронницах приложила 62-летняя ямщицкая вдова Марья Терентьева – «упорная и умная раскольница», также часто ездившая в Москву на Преображенское кладбище [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 250 об. – 251].

Помимо них, особенным усердием в распространении старой веры отличались Варвара Антропова и Дарья Герасимова, которые могли крестить «возрастных и младенцев», а некоторые последовательницы старообрядчества даже ходили по домам, «злословя Православную церковь и ея таинства» [РГИА.Ф.796.Оп.136.Д.512. Л. 426 об.].

Любопытно отметить, что, несмотря на неоднократные упоминания о связях с Преображенской общиной в Москве, прихожане кладбищенской моленной сами относили себя к «толку Поморян». Вероятно, они именовались так за непринятие изображения «титлы пилатовой» на кресте, что ранние федосеевцы считали «поморским», т. е. выговским, «мудрствованием». Помимо бронницких ямщиков, эту моленную посещали также новгородские мещане и помещичьи крестьяне, проживавшие оседло или временно в Бронницком Яму и не имевшие своего молитвенного здания в самом Новгороде, а также жители д. Эстьяны [РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.512. Л. 569].

С 1841 году, кроме старого кладбищенского молитвенного дома, нелегально действовала домовая моленная жены ямщика Климентова Ксении Филипповой Трифанихи (Тришилихи), содержавшаяся на счет ямщички Вассы Григорьевой [РГИА.Ф.796.Оп.136.Д.512. Л. 425 об. – 426]. Службы в ней проводились в большие праздники и родительские субботы. Их вела крестьянская девка д. Балиж Зайцевского прихода Екатерина Петрова и бронницкая ямская девка Наталья Иванова Мурыжка [РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.512. Л. 570 – 571 об.]. Примечательно, что, в отличие от «поморян» кладбищенской моленной, ее прихожане относили себя к федосеевскому согласию, а помимо бронницких ямщиков ее посещали жители дд. Чавницы, Боженки и Костовы [РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.512. Л. 571 об.]. Вероятно, они по-прежнему являлись последователями «титловщины» и не поддерживали контактов с Преображенским богаделенным домом.

Кроме того, уже в 1840-х годов среди бронницких староверов появились разногласия относительно возможности совершения браков, о чем свидетельствует указание, что «доселе некоторые из раскольников у какого-то мещанина венчались в Санкт-Петербурге» [Добронравов, 2000: 236]. Эта информация подтверждается и допросами самих старообрядцев. Варлам Савельев Копылов в 1853 году показывал о себе, что придерживается «старообрядческой веры христианского закона» и исповедуется на Преображенском кладбище у наставника Федора Козмина. В то же время

некоторые из крестьянок показали, что заключали браки в Петербурге у поморского брачного наставника Ивана Васильева Неклюдова [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3270. Л. 5 – 14].

Бронницкая кладбищенская моленная, как духовный центр старообрядчества региона, фиксируется в официальных ведомостях 1858 года. Согласно этим данным, молитвенный дом являлся часовней (молитвенным зданием без престола) и по прежнему принадлежал местной федосеевской общине, «не приемлющей браки и молитвы за царя» [ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1742. Л. 1]. Приведем ее подробное описание, относящееся к 1859 году: «Здание деревянное теплое, с переднею комнатою; в настоящей моленной и в передней во время службы мужчины становятся особливо от женщин, отделяясь занавесками из холста. У восточной стены ея расположен иконостас с иконами в два яруса; пред иконами лампы со свечками; посреди моленной висит медная люстра; против главной, средней в иконостасе иконы стоит нагой и на нем Евангелие» [РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 512. Л. 569].

В середине XIX века отдельные старообрядцы проживали в мстинских дд. Прилуки и Костово, Русско, Малое Лучно и с. Холынья, Русское (Русско), однако их количество было крайне невелико даже согласно документам Ю. К. Арсеньева, наиболее щепетильно относившегося к задачам объективного «счисления раскольников» [РГИА. Ф. 480. Оп. 136. Д. 512. Л. 528].

Несмотря на достаточно большую активность старообрядцев Бронницкого Яма в середине XIX века во второй половине столетия их число серьезно сократилось. Что можно объяснить, во-первых, введением военных поселений, в реформированном виде просуществовавших до 1857 года, во-вторых, политикой «искоренения раскола» 1850-х годов. и существенным ограничением деятельности Московской Преображенской общины в 1850 – 60-х годов, в лице которой несамодостаточные центры староверия Северо-Запада лишились крупного общероссийского координатора их деятельности, обеспечивавшего экономическую помощь и обучение служителей. В-третьих, не менее важным фактором стало стремительное обнищание ямщиков, с XVIII века являвшихся главными содержателями «раскола». В 1851 году открывается движение по Николаевской железной дороге, соединившей две столицы и сделавшей ямскую гоньбу бесполезной. Это ослабило былые прочные связи с другими станциями и значительно подорвало экономическое благосостояние ямских сёл. По замечанию современников, бывшие ямщики не были приспособлены к ведению полноценного крестьянского хозяйства, в их селах было меньше скота, а земли обрабатывались лишь частично [Соловьев, 1869]. Благодаря этому, оказались затронуты в том числе конфессиональные связи и возможность крестьян экономически противостоять напору государственного давления.

Несмотря на это, в первые пореформенные годы наблюдалось некоторое увеличение численности старообрядцев, что отражало не столько фактическое положение дел, сколько увеличение количества людей, открыто заявлявших о своей вере. Так, в начале 1863 года священник Рышевской церкви обнаружил 11 человек, «совратившихся в раскол» в дд. Прилуки, Плашкино и Кошкино.

Показания одного из крестьян достаточно полно отражают ситуацию: «в прежнее время, когда мы состояли в ведомстве Военного Поселения, я действительно ходил в церковь и к причастию по принуждению со стороны начальства, но со времени поступления нас в Удельное ведомство, с 1856-го года, да еще года за два или за три перед этим, я более к Св. Причастию и к исповеди и вообще в церковь не хожу» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1827. Л. 4 – 4 об.]. Множество аналогичных случаев в 1860-е годов в Бронницах и Эстьянах зафиксированы конкретными судебными делами [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3279; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3276; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3275]. Большинство опрошенных крестьян в качестве духовного наставника называли упоминавшегося ранее Варлама Савельева Копылова, который продолжал исполнять требы и богослужения как минимум до конца 1860-х годов [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1881. Л. 13].

В 1884 году бронницкий крестьянин Николай Евсеев Трусов просил дозволения произвести ремонт старой моленной. В сопроводительной документации значится, что в это время община насчитывала 31 человека из числа «коренных раскольников» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 70. Л. 1 об.]. Даже с учетом того, что численность могла быть заниженной и давалась священником Фаворским, общее число староверов было невелико по сравнению с предыдущими годами. Из документа мы также выясняем любопытные подробности о внешнем облике моленной. Она была покрыта тесом и имела прикроват, а по наружному виду не отличалась от прочих крестьянских построек. Руководствуясь указом от 1883 года о даровании «раскольникам» некоторых прав, новгородский губернатор ходатайствовал о разрешении ремонта моленной, так что МВД оставило этот вопрос на его личное усмотрение [РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 70. Л. 1 – 6].

К концу 1890-х годов в Бронницком приходе официально значилось лишь 23 открытых старообрядца [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3457. Л. 1 об.]. Однако, уже к 1916 году это число увеличилось практически вдвое (40 душ обоего пола), что свидетельствует как о неточности официальной статистики, так и общем увеличении количества «явных» староверов после манифеста о веротерпимости 1905 года [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4581а. Л. 12]. Помимо коренного местного населения, приписанного к своему приходу, во второй половине XIX века в Бронницах появляется значительное количество пришлых работников, в основном, из окрестных деревень Новгородского и Крестецкого уездов, переезжавших для работы на фарфоровом заводе, основанном П. К. Рейхелем в 1884 году. В 1892 году он был приобретен московским старообрядцем поповского белокрыницкого согласия И. Е. Кузнецовым – представителем известной династии фарфоровых промышленников. Наличие рабочих мест привлекало сюда население из ближайших деревень, в том числе из старообрядческих деревень Крестецкого уезда, поэтому в 1914 году на фабрике уже имелось много рабочих-старообрядцев, не являвшихся коренными местными жителями. Согласно отчету местного священника, в их число входили 41 человек «поморцев» и около 60 приезжих «австрийцев» из

заводского населения Кузнецовского завода, завезенных сюда из Московской губернии, что объясняется конфессиональной принадлежностью и происхождением самого заводчика [Обозрение, 1914: 1230]. В начале XX века староверие низовий р. Мсты, кроме с. Бронницы, было представлено среди прихожан церковью с. Холынья, с. Рышева [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4581а. Л. 12], с. Белой Горы [ГАНУ. Ф. 480. Оп.1. Д.3457. Л. 1] и насчитывало всего шесть душ.

Сведения благочинного Сытинского погоста, относящиеся к 1916 году, доносят общую картину постепенного размывания старообрядческой традиции и общего падения уровня религиозности крестьян накануне революции. Им отмечалось, что «раскольники» Бронниц «уже не имеют такой вражды к православным <...> что объясняется меньшинством их сравнительно с православными» [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4581А. Л. 11 об.], при этом во всей округе было распространено «внебрачное сожитие православных с раскольниками и наоборот» [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4581А. Л. 10 об.]. Местные старообрядцы традиционно относились священником к федосеевскому согласию [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4581А. Л. 12], что было, очевидно, не верно. Так, в 1907 году была зарегистрирована федосеевская община в д. Хотолы Новгородского уезда. В качестве ее прихожан указывались крестьяне дд. Эстьяны, Большое Лучно и Чавницы, располагавшиеся в непосредственной близости от Бронниц [РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 444. Л. 194]. Это значит, что какая-то часть местных старообрядцев предпочитала молиться в еще существовавшей в то время Бронницкой моленной, но другая часть ходила на моленье в более отдаленное место. Ситуация проясняется еще больше документами, относящимися уже к 1920 году. В соответствии с ними Бронницкая моленная в это время находилась «под ведением» Крестецко-Ямской брачной поморской общины [ГАНУ. Ф. Р-40. Оп.1. Д. 27. Л. 42]. Таким образом становится очевидным, что в начале XX века кладбищенская моленная принадлежала к брачному поморскому согласию, а среди местных жителей были как поморцы, так и федосеевцы.

Кладбищенская моленная в Бронницах пережила первые послереволюционные годы. Во время кампании по передаче собственности религиозных общин в пользование коллективам верующих, начавшейся во исполнение советского декрета об отделении церкви от государства 1918 года, была составлена опись Бронницкой моленной, являвшейся своего рода филиалом Крестецкой поморской общины. Молитвенный дом в это время представлял собою постройку 6 сажений в длину и 3 сажени в ширину (прибл. 13 X 6 м). К 1920 году здесь находилось 52 деревянных и литых образа, в том числе достаточно редкие по сюжету и сложные по композиции иконы «Отче наш», «Тайная вечеря», а также образа, связанные со святынями Новгородской земли – четыре иконы Знамения Пресвятой Богородицы, одна – Тихвинской и одна – преподобного Варлаама Хутынского, особенно почитаемого новгородского святого. Перед иконостасом стоял «налой», на котором располагался деревянный писанный крест. Церковное благолепие внутри

моленной дополняло подвесное паникадило («клубра») и подсвечники. Эта опись отражает те особенности внутреннего устройства молитвенного дома, которые мы уже знаем из приведенного ранее описания 1859 года. Как отмечалось выше, община не была самостоятельной, порядок в ней поддерживался «управителем», возможно, исполнявший и некоторые богослужебные обязанности – Иваном Ильиным Самухиным [ГАНУ. Ф. Р-40. Оп.1. Д. 27. Л. 42 – 42 об.]. Скончался он, вероятно, в конце 20-х годов. О том, что он пользовался определенным уважением и авторитетом в среде новгородских староверов, а также поддерживал тесные связи со старообрядцами Крестец, свидетельствует занесение его имени в поминание Крестецко-Ямской общины².

Бронницкая кладбищенская моленная просуществовала вплоть до 1924 года, когда, согласно Протокола заседаний президиума Новгубисполкома от 29 июля указанного года, было утверждено постановление Губадминотдела «о ликвидации старообрядческой молельни, находящейся в с. Бронницы» [ГАНУ. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 549. Л. 46]. Более поздние документы не доносят до нас сведений о местном старообрядчестве, однако среди современных жителей Приильменья старообрядчество занимает устойчивое место в исторических и семейных преданиях, а также меморатах.

2. Старообрядчество, как часть локального нарратива

В настоящее время в деревнях, расположенных в низовьях Мсты, старообрядческое население немногочисленно и состоит, в основном, из потомков старообрядцев соседнего Крестецкого района, переезжавших в пос. Пролетарий и с. Бронница в послевоенное время для работы на местном фарфоровом производстве. Местные жители имеют четкое представление о том, кто такие староверы. Наиболее четкий идентификатор, который отделяет старообрядцев от православных, это наличие своей посуды: «пьют из своей чашки». Воспоминания о староверческом прошлом прочно удерживаются в микропонимике, причем как среди старшего, так и младшего возрастного состава населения. Прежде всего, это касается места, где ранее находилось старообрядческое кладбище близ с. Бронница, известное по источникам XIX – начала XX века. В годы войны на нем были устроены оборонительные сооружения, которые пострадали во время немецких бомбардировок. Позже, в 1970-е годовпесок с кладбищенской горки брался для подсыпки дороги на с. Белая Гора³. Память об этом кладбище сохраняется среди уроженцев и жителей с. Бронница и соседней д. Белая Гора⁴. При этом со слов информантов известно, что хоронить на нем перестали уже в годы войны, вокруг кладбища не было ограды и оставались лишь деревянные кресты. Начиная с 40-х годов староверов хоронили на «мирском» Бронницком кладбище, расположенном на Городке, как местные жители называют гору в центре села, а также на общем кладбище д. Белая Гора⁵. Характерные вересовые кресты с крышей, которые местные жители обычно относят к старообрядческой традиции, можно встретить на белогорском и бронницком кладбище в настоящее время. Местные жители знают это место как «староверское кладбище», среди более молодого

поколения сокращенно - «староверское»⁶. Изначально оно располагалось на месте позднесредневекового могильника [Еремеев, Дзюба, 2010: 29]. С этим фактом, видимо, связан комплекс легенд, характерных для представлений о «жальниках» в других регионах Северо-Запада [Панченко, 1998: 207 – 236]. Они сохраняются среди старшего и среднего поколения жителей соседних деревень: место ранних захоронений обычно считается особенным (святым, либо, напротив, «худым»). Так, один из информантов (В., 1956 г.р.) поведал быличку о том, что еще до войны его деду чудилась на месте старообрядческого кладбища церковь «неописуемой красоты»: «а потом – бах! - лошадь вся в мыле, вся в кустах в этих запутана... заводило, говорит, вообще – страшное дело!»⁷. Тот же информант сообщил о том, что его отец поздно вечером, возвращаясь с работы, видел недалеко от «староверского кладбища», в низине, называемой «кирпичник», поросенка. Это явление он воспринял как признак зарытого неподалеку клада.

Значительный объем нарративов о местных старообрядцах относится к семейной истории. Одна из информанток (М., 1927 г.р.), посещавшая богослужения в поморской общине Великого Новгорода, сохраняла воспоминания о своем деде, отце и матери, которые считались наставниками и жили в д. Эстьяны. Дедушка информантки, наставник Михаил Авдеев (1861 (?) – 11.12.1941), совершал крещения в небольшой речке Нише, на берегу которой располагается деревня и которая отделяет ее от поселка Пролетарий. Крестил он как детей, так и взрослых, пожелавших принять старую веру⁸. Наставник имел семью, что свидетельствует об окончательном пересмотре взглядов на брак у бронницких староверов, и жил в большом деревянном доме. По словам информантки, во время коллективизации это была единственная семья в Эстьянах, не вступившая в колхоз. В войну всю семью Михаила Авдеева, как потенциально неблагонадежную, эвакуировали «за Крестцы», в советский тыл, но старый наставник, которому было уже около 80 лет, не хотел покидать родного дома, поэтому был выслан насильно⁹. После его смерти, которая последовала сразу после начала войны, за наставника оставался его сын, Константин Михайлович (? - 20.07.1942). В первые военные годы моление проводилось у него на дому. На требы – вселенские панихиды и отпевания – приходили староверы из дд. Дорожно, Красных Станков, пос. Пролетарий, староверческое население которого сформировалось за счет притока жителей окрестных деревень в этот местный промышленный центр. Панихиды отличались здесь особенно слаженным и стройным пением¹⁰. После смерти Константина Авдеева «за попа» оставалась его жена Анна Авдеева. Она сама и ее отец были окрещены свекром в р. Нише после того, как она вышла замуж из с. Белая Гора в Бронницу. Она ненадолго пережила мужа и умерла в 1943 году.

Конфессиональные особенности старообрядчества восприняты информанткой сквозь призму ритуала и правил личного благочестия: ее дед учил отца, что ребенка положено крестить на седьмой день после рождения, после чего нельзя его мыть и менять одежду в течении семи дней. В доме Михаила Авдеева имелось множество книг и икон, часть которых она передала

в Новгородскую поморскую общину, а часть сгорела в пожаре в нач. 2000-х годов. Помимо треб, в семье Авдеевых молились также по воскресеньям и праздникам. Дед и отец строго соблюдали как письменные предписания устава, так и устные традиции – в частности, они избегали фотографироваться.

В ряде местных семейных преданий фиксируется связка ямщики/старообрядцы, богачи/старообрядцы. Одно из них объясняет возникновение упоминавшегося ранее «мирского» кладбища на «Городке». Со слов (Е., 1953 г.р.), ее дальний предок, от которого произошли носители фамилии Жариновы, Степан был истовым старовером и ямским головой. Однако его сын Никифор, по прозвищу Лихой, не послушав отца, взял в жены еврейку. И хотя родители благословили этот брак, крестив невестку в «старую веру», Никифор стал первым в роду, кто отошел от старообрядчества и не любил староверов («гонял их по кабакам»). Поэтому, согласно этому преданию, родственники отказались хоронить его на старообрядческом кладбище Бронницкого Яма, и он стал первым, похороненным на Городке (до этого «мирское» кладбище располагалось рядом с ц. Преображения, а события в повествовании относятся к 1850-м годам)¹¹. Другое семейное предание акцентирует внимание на старообрядческом происхождении рода Якушевых – ямщиков и владельцев чайной в Бронницах¹².

В настоящее время большинство потомков местных староверов сами не относят себя к старообрядцам. Живая старообрядческая традиция практически всегда ассоциируется с Новгородом, кустом староверческих деревень соседнего Крестецкого района, в который входят Добрости, Каменка, Погорелка и Пырищи «вправо от Первомайского», и д. Хотолы. Реже в качестве центров староверия упоминаются Крестцы либо другие районы Новгородской области. Это объясняется миграционными процессами, разрозненностью местных староверов, изначально не проживавших компактно и во всех населенных пунктах, составлявших лишь часть населения. Незначительное число приезжих староверов консолидируется вокруг Новгородской поморской общины. При этом важную роль в угасании идентичности коренного старообрядчества этой местности в XX веке сыграл тот факт, что «никонианская» церковь в с. Бронница была действующей на протяжении практически всего советского периода, предопределив характер конфессиональной активности православных в окрестных деревнях. Многие представители местного староверия посещали эту церковь, что привело к утрате понятия об особенностях их веры.

В настоящее время попытка зафиксировать память о староверии данного региона предпринимается общиной Древлеправославной Поморской Церкви Великого Новгорода, представители которой неоднократно посещали остатки старообрядческого кладбища близ с. Бронница.

История староверия низовья р. Мсты позволяет увидеть внутренние связи различных духовных центров новгородского старообрядчества друг с другом. При этом староверие в этих местах фактически сохраняется и в настоящее время, хоть и в лице весьма немногочисленных представителей.

Совокупность исторических факторов, таких, как относительная социально-экономическая развитость крестьянства Приильменя, значительная древность заселенности этих мест, устойчивая система соотносительности населенных пунктов с древними административными единицами, монолитность этнического состава и, при этом, живость конфессиональной жизни и ее относительное разнообразие создали неповторимый культурный ландшафт, частично сохраняющий свою самобытность и в наши дни. Существенную роль в распространении старообрядчества здесь сыграли тесные связи с Крестецким Ямом, относительная экономическая состоятельность и независимость местного крестьянства, а также помощь от единомышленников в Москве и Петербурге. Напротив, распад прежних связей, в том числе экономических, привел к постепенному угасанию традиции.

Примечания

1. О Борском ските см.: [Мельников, 2022].
2. Записи представляют собой заметки на полях «Часослова» (М.: Преображенский богаделенный дом, 1910 (7518)). Ныне хранится в книжнице Новгородской поморской старообрядческой общины. №185. Л. 304.
3. ПМА, Великий Новгород, 05.06.2013.
4. ПМА, д. Белая Гора Новгородского района Новгородской области, 19.06.2013; ПМА, д. Савино Новгородского района Новгородской области, 15.07.2013.
5. ПМА, Великий Новгород, 05.06.2013.
6. ПМА, д. Белая Гора Новгородского района Новгородской области, 19.06.2013; ПМА, д. Савино Новгородского района Новгородской области, 15.07.2013; ПМА, с. Бронница Новгородского района Новгородской области, 20.02.2016; ПМА, д. Белая Гора Новгородского района Новгородской области, 20.02.2016.
7. ПМА, д. Белая Гора Новгородского района Новгородской области, 20.02.2016.
8. ПМА, Великий Новгород, 07.11.2010.
9. ПМА, Великий Новгород, 05.06.2013.
10. ПМА, Великий Новгород, 07.11.2010.
11. ПМА, с. Бронница Новгородского района Новгородской области, 30.06.2023.
12. ПМА, интернет-опрос 29.07.2017.

Список сокращений

ГАНО – Государственный архив Новгородской области;
 МВД – Министерство Внутренних Дел;
 НГВ – Новгородские губернские ведомости;
 ПМА – послевоенные материалы автора;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов;
 РГИА – Российский государственный исторический архив;
 ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей
 Российских;
 ЭКЭ НовГУ – Этнокультурологическая экспедиция Новгородского
 государственного университета.

Источники

ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. 1858 г. Д. 1742.
 ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3457.
 ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4581а.
 ГАНО. Ф. Р-40. Оп.1. Д. 27.
 ГАНО. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 549.
 ПМА, Великий Новгород, 07.11.2010.
 ПМА, д. Белая Гора Новгородского района Новгородской области, 19.06.2013.
 ПМА, Великий Новгород, 05.06.2013.
 ПМА, д. Савино Новгородского района Новгородской области, 15.07.2013.
 ПМА, д. Белая Гора Новгородского района Новгородской области, 20.02.2016.
 ПМА, с. Бронница Новгородского района Новгородской области, 20.02.2016.
 ПМА, с. Бронница Новгородского района Новгородской области, 30.06.2023.
 ПМА, Великий Новгород, 13.02.2024.
 РГАДА. Ф. 288. Оп.1. Д. 110.
 РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1827.
 РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1881.
 РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3270.
 РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д.3275.
 РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3276.
 РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3279
 РГИА. Ф.796. Оп.1.Д.260.
 РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 512.
 РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800.
 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 444.
 РГИА. Ф.1284. Оп. 195. Д. 8.
 РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. Д. 72.
 РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д.379.
 РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в.
 РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 70.

Список литературы

Богословский, 1865 – *Богословский Н. Г.* Естьянская шурма // Рассказы о
 былом. Времена военных поселений. Новгород, 1865. С. 237-328.
 Граф Аракчеев, 1871 – Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831.
 СПб., 1871.

Денисов, 1906 – *Денисов С.* Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906.

Добронравов, 2004 – *Добронравов И.* Этнографические сведения о жителях Бронницкого Яма Новгородского уезда и губернии // Новгородский архивный вестник. №4. Великий Новгород, 2004. С. 232-236.

Еремеев, Дзюба, 2010 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010.

Мельников, 2014 – *Мельников И. А.* Борский скит на реке Волхов и Преображенский богаделенный дом в Москве в XIX веке // Ученые записки Новгородского государственного университета. №4 (43), 2022. С. 438-442.

Обозрение, 1914 – *Обозрение* Высокопреосвященным архиепископом Арсением церковей и монастырей епархии в 1914 году // Новгородские епархиальные ведомости. 1914. №38. С. 1230.

Панченко, 1998 – *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. 320 с.

Секретарь, Филиппова, 1991 – *Секретарь Л. А., Филиппова Л. А.* По Приильменью. Путеводитель. Л., 1991.

Соловьев, 1869 – *Соловьев П.* Темный угол в Валдайском уезде // НГВ, №31, 1869. С. 220-221.

Федосеев, 1869 – *Федосеев Евстрат.* Житие Феодосия Васильева // ЧОИДР, 1869. С. 73-92.

УДК 39

Чувьюров А. А.,

*ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук,
Российский этнографический музей*

Островский А. Б.,

*главный научный сотрудник, доктор исторических наук,
Российский этнографический музей*

Религиозная традиция Выговского общежительства в собрании Российского этнографического музея

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-184-195

В статье дается описание собрания предметов традиционной культуры, бытовавших среди насельников Выговского старообрядческого общежительства. Основное внимание уделяется предметам, которые воплощают особенности религиозной традиции старообрядцев. Они представлены следующими изделиями: культовое медное литье, деревянная